

Владимир Кириллович Батурин –
доктор философских наук, академик РАН

Хочу, чтобы народ, к которому я принадлежу, выжил в качестве исторически значимой величины в сложившихся беспрецедентно страшных условиях. И необходимое условие для этого – объективно-беспощадное понимание сложившейся реальности.

Александр Зиновьев

Экономика как разрушенная философия

Прав и глубок наш уважаемый соотечественник. Александр Зиновьев хорошо разобрался с тем, что происходит в мире и в России, но в «объективно-беспощадном понимании сложившейся реальности» еще далеко не все страницы перевернуты. Более того, такое беспощадное постижение только-только начинается. Люди издавна были и до сих пор остаются уверенными в единственности онтологии нашего мира. Они даже не подозревают, что существуют не в мире как таковом, а в некой онтологической... комнате смеха. В принципиально искусственной среде, созданной кем-то и с какими-то целями и замыслами. В искусственной лжереальности, которая для абсолютного большинства людей продуцировалась совокупностью расставленных другими – совсем особыми – людьми с определенными замыслами кривых онтологических зеркал. Мир, в котором мы обитаем, на самом деле создан не самыми лучшими людьми и не ради

высших замыслов и побуждений. Человека на протяжении многих веков нагло «разводят» как последнего недотепу и глупца. И все это происходит в том числе и потому, что большинство людей продолжают верить в разного рода сказки про объективность всего бытийствующего, всего онтологического, постигаемого якобы незаинтересованным ни в чем, кроме истины, человеком и его разумом. Но ведь окружающие нас бытие, реальность, природа – все то, что принято считать объективным, – на самом деле никогда в онтологической конструкции не присутствуют в непосредственной «самости». Объективное есть определенным образом «схваченное», преобразованное, приведенное в связи и отношения именно человеком с учетом трех важнейших составляющих – его замыслов и мечтаний о будущем, реальной работы познавательных способностей и фактической деятельности как объединенной реализации первого и второго. Современная философия все более

склоняется к мысли, что человек вовсе не отражает, не рефлексивует окружающий мир — он его всегда творит по своему разумению и под свои цели. До сих пор общепринятая теория отражения как основы познания на много веков заслонила истину отношения человека и мира. А оно — это отношение — принципиально активно-конструктивное. Мир не воспроизводится, а каждый раз творится человеком из имеющихся в его распоряжении познанных и осмысленных элементов и заготовок — продуктов его предыдущей деятельности, результатов его воображения и фантазии. Все это многообразие соединено и объединено целями реализации очередного замысла.

У нас нет и никогда не было прямого доступа к непосредственно самим по себе миру и природе, мы всегда погружены в них через исторически проявленный мегапроект бытия как совокупности реализуемых с разной степенью успешности замыслов. А проекты человека всегда разные — удавшиеся и несостоявшиеся, достойные и отвратительные, во благо и во вред, во здравие и на погибель, духовно высокие и шкурно омерзительные. Нам еще предстоит разобраться с

Мир не воспроизводится, а каждый раз творится человеком из имеющихся в его распоряжении познанных и осмысленных элементов и заготовок — продуктов его предыдущей деятельности, результатов его воображения и фантазии.

основными проектами человека, которые составляют несущую конструкцию существующей онтологии мира — мира как некоей картины, как холста, который разворачивает сама великая природа. И именно природу ради своей сиюминутной и всегда авантюрной версии «правильного» проекта безжалостно кроит человек — часть природы, возмнившая себя целым и потому господином всего сущего.

Самое долговременное и прочное закабаление человека ради преступных целей другого человека — закабаление именно онтологическое. Такое закабаление означает приведение к якобы неизменной, якобы единственной, якобы независимой от самого человека конструкции реальности. Это закабаление по примитивнейшей формуле «другого не дано». Отсюда и выводы: мирись с этим миром, человек, другая судьба тебе принципиально недоступна, все терпели невзгоды и несправедливости имеющейся единственной реальности, и твой удел должен

быть таким же. Следует вспомнить железную аргументацию наших рыночников-фундаменталистов 90-х о необходимости перехода нашей страны к либеральным моделям в экономике. Они, помнится, говорили: хорош или плох рынок — вопрос второстепенный, главное, что рыночная экономика — такая же необходимая и неизбежная, как восход и заход Солнца, как законы Ньютона или Максвелла. То есть как ни крутись, а деваться тебе, человек, от рынка некуда, так что смиришься с ним и не дергайся. Рассуждать в таком ключе — значит использовать естественный (якобы объективный) метод онтологического описания, что равносильно добровольному онтологическому закабалению себя в таком единственно-де возможном мире.

Подобные фундаменталисты своим пониманием мира насиливают человечество с древнейших времен, причем прекрасно осознавая степень «правдивости» собственных тезисов. Получается, что онто-

логия сегодняшнего мира — это до сих пор во многом онтология... рабовладельческого проекта. Комната смеха как некая онтология мира, оказывается, была создана еще древними чубайсами и гайдарями при помощи умело составленных кривых зеркал для рабовладельческого проекта и подобных ему практик, выгодных и полезных только избранным.

Человеку пора со всей ответственностью осознать, что творцом окружающего и гнетущего его мира во многом является он сам. Эту истину первыми осознали великие философы Сократ, Платон, Аристотель, но реализовали, к великому сожалению, в своих эгоистических целях разного рода паразитарии. Те самые паразитарии, которые мир — потенциально великолепный, яркий, свободный — превратили в этот до сих пор господствующий ад. В мир для себя, мир чудовищный, черный, рабский, порочный, лживый, несправедливый, во многих отношениях безобразный.

Человек, ты хочешь жить достойно? Если да, то тебе тогда обязательно предстоит решительно свергнуть онтологическое рабство того мира, который придуман против тебя людьми-хищниками. Придуман и воплощен в реальность только лишь потому, что твоя жизнь, твоя энергия, твой интеллект, твой талант, твоя человеческая самость нужны именно им — работодателям, врагам-паразитариям, которые все твое уже много веков эксплуатируют как вроде бы свое. Необходимо всеми силами приближать наступление другого мира — мира с онтологией свободного человека, покинувшего, наконец, тысячелетнюю тюрьму рабовладельческой конструкции, которую по-иному можно именовать патологической онтологией. Фундаментальный парадокс

современного мира заключается в том, что патологичен каждый человек, но в силу разных обстоятельств и причин. Одни люди принципиально патологичны в силу того, что живут как паразитарии и эксплуататоры за счет других людей, другие люди патологичны в силу своего рабского положения как средства для «жизни в шоколаде» избранных.

Откуда взялась эта самая экономика, как она превратилась во все определяющую смысловую конструкцию современного мира — конструкцию принципиально экономоцентрическую? Как она утвердилась в человеческом обществе и на каких принципах и началах? Для ответа на эти вопросы следует остановиться именно на глубинном понимании предмета экономики как моральной философии.

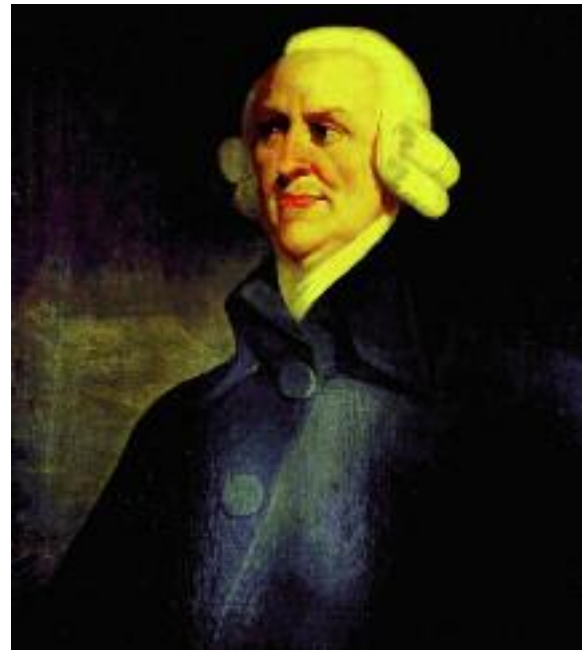
Экономика стартовала в своем научном развитии именно как морально-нравственная философия европейского Нового времени. Это сегодня экономика и философия разведены в нашем сознании на максимальную дистанцию их предметного различия, так что сама заявка на преодоление экономического кризиса с помощью философии кажется неискушенным людям чуть ли не бредом. Однако еще три столетия назад никого не смущало, что экономика была органичной частью моральной философии и позиционировалась как сугубо этическая дисциплина. Сошлемся на хорошо всем известный факт: самый знаменитый экономист всех времен и народов Адам Смит был на самом деле именно философом — заведующим кафедрой нравственной философии университета в Глазго. Главным своим научным трудом Смит считал вовсе не «Исследование о природе и причинах богатства народов», а книгу по нравственной фи-

лософии — «Теорию моральных чувств». Другой основатель экономической науки Джон Локк также был философом. Он предложил до сих пор хранящиеся в теоретическом арсенале экономической науки модели «общества» и «экономического человека». Экономика как секулярная этика с самого начала отказывается от идеи следования трансцендентным сущностям и апеллирует только к требованиям «реальной» человеческой практики, стремясь понять, каким образом мораль, будучи свойством отдельного индивида, является в то же время обязательной, организующей силой общества? По Фрэнсису Бэкону цель этики, как и всякой другой науки, «не в приукрашивании вещей, а в выявлении в них полезного и истинного». Он подразделяет ее на два учения — об идеале (или образе блага) и об управлении воспитании души. Поскольку этика венчает философию, то ее незыблемо истинные правила не могут быть найдены раньше, чем будет достигнуто полное знание других наук, а пока этого не сделано. И далее Рене Декарт, наследуя указанное направление мысли Бэкона, ограничивается несовершенной этикой и предлагает временные правила морали, первое и главное из которых обязывает человека жить в соответствии с законами и обычаями своей собственной страны и считать это за единственную возможную истину.

И процесс пошел! Томас Гоббс оспаривает представление о человеке как общественном (политическом) животном, из которого явно или неявно исходила предшествующая ему этика. По Гоббсу человек изначально эгоистичен, нацелен на собственную выгоду, и понятия правильного и не правильного, справедливого и не справедливого не имеют в нем

места. Принципиальный разворот в экономике от нравственной проблематики совершает Дэвид Юм, нашедший в качестве основного гносеологического недостатка всех моральных наук их необоснованный предметный переход от «есть» к «должно быть», что, по его мнению, совершенно неправомерно с научной точки зрения. Для восстановления же научной состоятельности экономики как нравственной философии Юм пошел на противопоставление и, в конечном счете, на полное изгнание из предмета рассмотрения этой науки всего ценностного, аксиологического, оставив в ней только сугубо фактурное, практическое начало. Так состоялось главное искажение предмета экономики: она перестала быть частью всего спектра нравственной философии и в подобном — чрезвычайно зауженном — виде сохранилась как искусственно созданная единичным исследователем конструкция, сфокусированная на его сначала рафинированно теоретическом, а затем уже неприкрыто практическом интересе. В такой модели даже в изначальном, то есть в сугубо теоретическом, облике общее благополучие человека сведено лишь к его материальному благосостоянию. А сам человек с его бездной смыслов — к экономическому приложению. Примитивизация мира, общества, человека, его целей и ценностей состоялась. В экономической сфере уже не осталось никакой философии, кроме единственной — вульгарно-материалистической, утилитарно-меркантильной. Таинственный мир трансформировался в примитивную общественную схему, где человеку отводится роль продавца, покупателя или посредника при купле-продаже неких товаров и услуг. Даже разнообразные социальные отношения между

людьми теперь сводятся исключительно к взаимодействиям хозяйственным. Разнообразие красок окружающей действительности вырождается в примитивные чернотелые схематизмы смоделированного экономикой мира как рынка. Само философское понятие общества вырождается в упрощенную его модель по Локку, а затем — просто в рынок. А философское понятие человека трансформируется в экономическое понятие человека как отдельно взятого хозяйствующего субъекта (по Смит). Философский же предмет экономики как нравственной философии незамет-

Неизвестный художник. Адам Смит. 1795 год

Еще три столетия назад никого не смущало, что экономика была органичной частью моральной философии и позиционировалась как сугубо этическая дисциплина. Самый знаменитый экономист всех времен и народов Адам Смит был на самом деле именно философом — заведующим кафедрой нравственной философии университета в Глазго.

но перетекает в предмет, принципиально лишенный аксиологических начал (по Юму). То есть искажения предмета экономики как науки действительно чудовищны. Целиться в нравственные вопросы человеческого бытия в контексте общества и его принципиального устройства, а попасть в экономическое существование, принципиально лишенное какого-либо морального начала, — с чем это можно сравнить по степени расхождения целеполагания и целидостижения? Поразительны масштабы деформаций, произошедших с базовыми понятиями экономики, «позаимствованными» ею у философии. Например, с философским понятием «человек как микрокосм». Человеку свойственны чувства и моральные суждения, основанные на любви и симпатии, вместе с тем ему присущи стремления к личному интересу, пользе, успеху. Юм со скеп-

тической осторожностью соединяет два эти начала в одно, а затем уже Иеремия Бентам основой практической этики провозглашает принцип пользы — принцип, уходящий корнями в природную способность человека стремиться к удовольствиям и избегать страданий. Так, все первоначально этические искания порождают особый предмет экономики как разрушенной философии, нацеленной на эгоизм, конкуренцию, пресловутый успех любой ценой — тот самый, о котором Жан-Жак Руссо потом скажет: «Если полагать смысл жизни в успехе, надо быть скорее подлецом, чем порядочным человеком». Изначально моральное содержание нравственной философии в результате всех предметных трансформаций стало антинравственным потенциалом в угоду достижения эгоистически понимаемого успеха и прочих сугубо экономических целей.

Рождение предмета экономики состоялось самым непредсказуемым образом — полным уходом от нравственной философии, от этики, от морали. Осознай же, наконец, человек, очень важно: экономика — это слепое бегство от философии как от любви к мудрости, бегство от относительно правильного и ценностного в абсолютно неприемлемое и анонимное. И что в итоге? Вместо целостного мира — экономика-производственная его амальгама, вместо человека — жалкий и примитивный, алчно-враждебный фантом. И от таких грубых — по сути, архаичных и диких — моделей человечество до сих пор не нашло в себе интеллекта и воли отказаться.

Без преувеличения можно сказать, что экономика стала той самой «философией», из которой вынули всю ее глубину и целостность, все ее духовно-нравственные и солидарно-социальные начала. То, что осталось в результате этого великого «обрезания», и оказалось теоретической базой построения основных цивилизационных практик по сей день. В таком ракурсе экономика предстает как собрание всего философски наихудшего, и именно наихудшему был дан максимальный простор практического внедрения и применения. Что же тогда мы удивляемся разразившемуся глобальному кризису — ведь с помощью наихудшего вряд ли можно построить нечто достойное.

Глобальный мировой кризис начался вовсе не сегодня, а именно тогда, когда произошел кардинальный отход экономики от философии в ее предметном понимании. И сам кризис имеет не экономический, а мировоззренческий характер. Финансы, экономика, политика, материальные и нематериальные ресурсы — лишь следствие первич-

ных, мировоззренческих и ценностных, установок. Как же нужно было постараться извратить, подменить, чудовищно исказить предмет экономики как фрагмента философии за три последних века, чтобы получить сегодняшние реалии этой науки, а также печальную панораму большинства современных цивилизационных практик!

Однако дело не только в академической несостоятельности экономики. Главная беда нынешнего положения цивилизации, ее институционально-ценностных конструкций в другом: на протяжении уже трех веков человечество пытается строить свои основные общественные практики на фундаменте сугубо экономических начал, которых для этого совершенно недостаточно. Ведь что такое экономические цивилизационные практики в своей сущности? Самые примитивные, самые поверхностные, самые фрагментарные и нелепые, но тем не менее именно искаженно философские модели человека, общества, мира, государства, целей и ценностей существования. Общим признаком для всех этих так называемых экономических, а на самом деле примитивно философских, моделей является максимальная удаленность их от настоящего анализа, ориентированного духовно и метафизически. Иначе говоря, то, что мировому сообществу нужно было обязательно делать с помощью истинной и глубокой философии, сделано и до сих пор делается на основе ее неверной и чудовищно искаженной подмены — экономики. Исторически узаконилось, что экономика стала теоретическим средством строительства цивилизации из наличного наихудшего, имеющегося у человечества. Парадоксально, но при анализе новоевропейских научных, в том числе

экономических, инноваций создается впечатление, будто их творцы соревновались друг с другом, как бы изошреннее и дальше уйти от истины, даже от истины в форме элементарного здравого смысла. В качестве наглядного примера отметим бросающийся в глаза примитивизм базовых экономических моделей с точки зрения философии. Общество, по Локку, например, — это якобы механическое скопление атомизированных индивидов, главной сущностью которых являются абсолютный эгоизм по отношению к себе и всеподавляющая вражда по отношению к другим. Человек, по Локку, — якобы совокупность трех сущностных начал: «оставаться в живых», «стремиться к чувственным удовольствиям», «удовлетворять свою жадность». Никаких других начал в нем якобы просто нет! И таких моделей в экономике — принципиально неполных, ограниченных, не выдерживающих никакой философской критики и тем не менее активно применяющихся вновь и вновь — великое множество. Например, рынком называется модель общества, в которой разнообразные, сложные, тонкие материи всего социального упрощены только до примитивных схематизмов вокруг нескольких вопросов типа «что производить», «сколько производить», «как производить», «как распределять произведенное», «как адаптироваться к изменениям ситуации». Это что — все вопросы, которые волнуют любого человека, ненадолго пришедшего в этот мир погостить?

Пытаться решать проблемы преодоления мирового кризиса экономическими и финансовыми инструментами и подходами — заведомо ошибочная, принципиально тупиковая схема. Мир оказался в кризисе именно потому, что

Эбенизер Скрудж из «Рождественской песни» Чарльза Диккенса. Кадр из анимационного фильма кинокомпании «Дисней» 2009 года

позволил примитивной модели — экономике — строить целостный общественный дом для человека, что не получилось и не может получиться никогда — нет у экономики для этого ни ресурсов, ни потенциала.

Экономика, особенно в сегодняшних ее неприкрытых дефинициях, — тупик для развития мира, для его целостного моделирования и построения. С целью создания действительно разнообразных общественных практик нужны совсем другие ценности и инструменты — этические, социальные, философские. Необходим переход человечества от экономических цивилизационных практик к целостным, то есть основанным на философской картине мира. Глобальный кризис — это кризис именно аксиологии и онтологии чисто экономической модели мира. Кризис, вырастающий из полного несоответствия любой истинно социальной, то есть обязательно солидарной, системы содержанию примитивных и ограниченных экономических конструкций, которые мы получили в наследство от рабовладельцев, колонизаторов, пиратов, паразитариев и прочих рыночников-фундаменталистов. Это замечательно понимали

Жан-Жак Руссо:

«Если полагать смысл жизни в успехе, надо быть скорее подлецом, чем порядочным человеком».

наши отечественные философы и мыслители, в частности Федор Достоевский, утверждавший, что западный мир весь построен на зыбких основаниях — «несвятых святых». Устойчивость такой онтологической конструкции обеспечивается вовсе не ложными ценностями — ложное ничего фундаментально и созидать в принципе не может, — а военно-силовым дополнением, позволяющим какое-то время существовать любой лжи. Нынешняя мировая архитектура покоится на алчности, страсти к наживе, насилию, лжи, подкрепляемых штыками и авианосцами. Наступит время (оно уже наступило в форме мирового кризиса), когда конструкция станет окончательно недееспособной и неприемлемой даже для ее апологетов. Ведь кризис поражает абсолютно всех, в том числе и тех, которые придумали и реализовали такую модель. Ложные ценности, ложная онтология, разрушительные кризисы, финальная катастрофа для всех — такова историческая перспектива ныне действующей ценностно-онтологической конструкции мира,

которая не устраивает никого. Но в этой фундаментальной дисгармонии — шанс для человечества проснуться от гибельного духовного сна. На повестке дня — задача незамедлительной смены ценностных ориентиров цивилизации и ее русского сегмента. От того, что построено экономикой, необходимо отказываться, но умно, постепенно, системно, взвешенно. Из сооруженного ею деформированного и убогого мира-хлава пора начать перебираться к подножию настоящего храма. Следует, по словам Владимира Соловьева, уже из жестокого трагизма сегодняшнего дня прочувствовать, что человек есть «только носитель, или подставка (ипостась) чего-то другого, высшего. <...> Отдаваясь этому, забывая о своем “я”, человек на самом деле удерживает себя в своем истинном значении». К высшему, к истине всегда была устремлена лишь одна дисциплина — философия, непонятным придатком вырисовывающаяся в экономическом обществе, разлагающем самого себя в слепом бегстве от любви к мудрости. 📖